

Л.Л. Хоперская, В.А. Харченко

УПРАВЛЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫМИ МЕЖЭТНИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В статье предпринята попытка систематически рассмотреть типы, причины возникновения и технологии разрешения локальных межэтнических конфликтов в реальных условиях регионов Южного федерального округа. Предложено определение локального межэтнического конфликта, обобщен опыт конкретных технологий управления локальными межэтническими конфликтами.

Предложена оригинальная методика и графическая иллюстрация оценки динамики локальных конфликтов. В основе этой методики лежит выявленная авторами эмпирическая закономерность, заключающаяся в том, что уровню социальной напряженности (конфликтности), определенному методом стандартного социологического опроса, соответствуют качественные характеристики состояния общественного сознания и форм политической активности населения в конкретном полиэтничном районе.

Актуальность проблемы разрешения и предотвращения межэтнических конфликтов, эффективного управления полиэтничными регионами в последние десятилетия не вызывает сомнений ни у российских, ни у зарубежных политологов. Межэтнические конфликты «со стажем» в Великобритании (Северная Ирландия), Испании (баски и каталонцы), Франции (бретонцы и корсиканцы), Канаде (провинция Квебек), Ближнем Востоке (арабо-израильский конфликт) дополнились новыми проблемами, связанными с интенсивной этнической миграцией в США и страны Западной Европы (мигранты из стран Африки и Азии) и выразившимися в росте популярности националистических партий (Франция, Голландия).

Распад СССР пошел под знаком этнического самоопределения, а во многих вновь созданных государствах стала проводиться откровенная политика этнонационализма, провоцирующая все новые и новые межэтнические столкновения. Армяно-азербайджанский, таджико-афганский, грузино-абхазский, осетино-ингушский, чеченский конфликты поставили перед политиками и политологами практическую задачу их разрешения, предотвращения их дальнейшей эскалации и предупреждения возникновения новых конфликтов.

Задача эта тем более актуальна, что в России в последние годы наиболее опасным и часто встречающимся видом конфликтов стали локальные межэтнические столкновения. В подавляющем большинстве случаев сторонами конфликта являются представители постоянного населения российских регионов и мигранты из республик Северного Кавказа и Закавказья.

Локальные конфликты зафиксированы практически на территориях всех республик, краев и областей Южного федерального округа. Исследования российских ученых показывают, что основную ответственность за повышение уровня социальной напряженности в данном случае несут представители государственных и муниципальных органов власти. К сожалению, можно привести множество конкретных примеров, когда неэффективные действия представителей власти приводили к повышению уровня конфликтности и не предотвращали, а способствовали развитию конфликта по наихудшему, силовому сценарию (см., например, М.Савва, Н. Блинова 2003; Формирование культуры... 2002).

Очевидно, что возникла практическая потребность в разработке и внедрении эффективной системы разрешения и предупреждения локальных межэтнических конфликтов, чему отвечает Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию России, нацеленное на консолидацию общества для решения общенациональных проблем (Послание Президента Российской Федерации... 2003).

Острота проблемы локальных межэтнических конфликтов, анализ современного состояния и основных тенденций этнополитических процессов на микроуровне становятся в последнее время приоритетными политическими и исследовательскими задачами. По мнению ученого и Министра Российской Федерации В. Зорина, игнорирование локальных межэтнических конфликтов может привести к возникновению устойчивых очагов социальной напряженности. Зорин обращает особое внимание на анализ проблем межэтнических отношений на микроуровне и подчеркивает необходимость выявления роли этнических меньшинств в формировании этнополитической ситуации в регионах и населенных пунктах (Зорин 2002: 26).

Эти же проблемы поднимаются в выступлениях полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе (Казанцев 2001), и, с нашей точки зрения, заслуживают специального исследования, которое предпринято в настоящей работе.

В российской научной литературе классическим стало определение этнического конфликта как формы «гражданского противостояния на внутри- и трансгосударственных уровнях, при которой хотя бы одна из сторон организуется и действует по этническому признаку или от имени определенной этнической общности» (Тишков 2000).

В программной статье одного из ведущих российских конфликтологов Е. Степанова проводится мысль о том, что межэтнические конфликты «не только продолжают притягивать к себе пристальное внимание, но и все больше требуют организованных и целенаправленных усилий, способных обеспечить выработку и реализацию эффективных мер по их урегулированию или предотвращению» (Степанов 1998).

Принцип конкретности должен стать исходным в анализе этнополитических конфликтов. Первым шагом в реализации этого принципа должна стать типологизация конфликтов, позволяющая сгруппировать их конкретные проявления и предложить некоторые алгоритмы управления. Поскольку единой общепринятой типологии конфликтов не существует, а различные авторы предлагают для нее множество оснований, целесообразно использовать типологию, которая отвечает конкретным целям и задачам теоретической и практической конфликтологии в каждом отдельном случае. Мы воспользуемся достаточно известной типологией Л. Дробижевой, которая выделяет три типа конфликтов этнополитического характера:

- конституционные (борьба за независимость в союзных республиках бывшего СССР, несоответствие Конституций республик Конституции РФ);
- территориальные (борьба за право проживать, владеть или управлять определенной территорией);
- межгрупповые (противостояния казаков и чеченцев, ингушей и осетин, кабардинцев и балкарцев и т. п.) (Дробижева 1994).

Конфликты, управление которыми является предметом нашего внимания, несомненно, являются межгрупповыми, но эта типология не позволяет в полной мере уловить важный «пространственный» фактор, который задает определенные условия для созревания и протекания различного типа конфликтов. Для нас интерес представляют межэтнические конфликты на уровне небольших полиэтничных городских и сельских поселений.

В «пространственной» типологии выделяют глобальные и региональные конфликты. Под глобальными конфликтами понимаются конфликты, обусловленные глобальными проблемами современности, затрагивающие интересы всего человечества и несущие угрозу существованию цивилизации. Очевидно, что наш случай не подходит под эту номинацию (Гостев 1993).

Не входит он и в категорию региональных конфликтов, которые возникают на основе противоречий, складывающихся между отдельными государствами, коалициями государств или отдельными региональными субъектами внутри государства, и охватывают большие географические и социальные пространства.

Трудности с отнесением интересующего нас конфликта как конфликта микроуровня к какому-либо типу, с нашей точки зрения, связаны с тем, что в большинстве работ российских политологов и социологов «основное внимание уделяется урегулированию международных конфликтов или тех внутренних, которые становятся серьезной проблемой и приобретают международной значение, как, например, Югославский конфликт...» (Лебедева 1999: 17).

Реальные этнополитические процессы, протекающие не только на уровне отношений между государствами, субъектами федерации, экстерриториально организованными этническими группами, но и на уровне полиэтничных сообществ небольших поселений (городов и сельских районов), потребовали дополнить проблематику этнополитологической конфликтологии серьезным и систематическим изучением межэтнических конфликтов микроуровня. Интересующие нас конфликты оказывают непосредственное влияние на состояние систем макро- и мега уровня, т. е. этнополитические про-

цессы на уровне субъекта федерации и на общегосударственном уровне, и в предельном случае могут привести к их качественному преобразованию (изменению политико-правового статуса субъекта; выходу отдельных территорий из состава государства; даже распаду государства).

На концептуальном уровне этот факт отражен в этнополитических исследованиях: «Взаимопроникновение структур разнотипных конфликтов, электризирующих сферу межнациональных отношений, сопряжение прошлого и настоящего в процессе тесного межэтнического взаимодействия, замкнутого на политическую сферу многонационального государства, в условиях широкого обмена информацией дает принципиально новый эффект. Возникает единое этнополитическое пространство России как целостная система, которая складывалась веками и о сбоях в работе которой сигнализируют этнополитические конфликты» (Мацнев 2001: 245).

В то же время понятийный инструментарий, позволяющий ввести данный вид конфликтов в определенную типологию, отсутствует. Авторы зафиксировали ситуацию, характерную для развивающейся науки: явление есть, а понятия, адекватно обозначающего его, нет, и предлагают восполнить этот понятийный пробел, введя новый тип — *локальный конфликт*, и предложить его развернутую характеристику, которая представляется нам весьма эвристичной.

— Локальные конфликты выступают формой проявления назревающих региональных конфликтов. Территориально локальные конфликты охватывают небольшие географические пространства (небольшие городские и сельские поселения, муниципальные образования), но вовлекают в свою орбиту практически все население этих районов.

— Локальные конфликты возникают в городах и районах, принимающих значительное число мигрантов и характеризующихся быстрой сменой этнического состава населения.

— Локальные конфликты, как правило, протекают в форме межобщинных этнических столкновений, доходящих до силовых, и носят очень динамичный характер.

— В основе локальных конфликтов лежат нерешенные проблемы в экономической (распределение собственности, земельные и трудовые отношения), политической (представительство в органах власти, формы политического участия), социальной (включая миграцию и демографию) и духовно-культурной (образование, культура, язык и религия) сферах.

— Локальные конфликты отличаются составом субъектов, в качестве которых выступают администрации муниципальных образований, представители местных силовых структур, объединения старожилческого (коренного) населения, чаще всего казачество, формальные и неформальные этнические объединения (диаспоры), местные СМИ и работники образовательных учреждений.

Локальные конфликты на Юге России можно классифицировать следующим образом.

1) Закрепление мигрантов на новых территориях связано с вмешательством в традиционные для коренного населения сферы деятельности; про-

исходят изменения в этническом разделении труда, перераспределяется земля и собственность. Желание усилить собственные позиции в регионах сопровождается стремлением обеспечить этническое представительство в местных органах власти.

Отмеченный вид локальных конфликтов характерен, в частности, для Краснодарского, Ставропольского краев, Волгоградской, Астраханской и Ростовской области. Например, в составе Ростовской области находится 43 сельских района и 23 города, значительная часть которых отличается полиэтничным составом. Хотя в области проживают представители свыше 100 этнических групп, 89,6 % составляют русские (славяне в целом 94,6 %), в последнее десятилетие возрос миграционный поток, за это время в область прибыли около 450 тыс. человек.

2) Данный вид локальных конфликтов коренного населения с вынужденными мигрантами обусловлен близостью территории Чеченской Республики, широким распространением идей радикального ваххабизма, постоянной угрозой совершения террористических актов и диверсий, похищения людей и имущества с целью выкупа.

Этот тип конфликтов наблюдается во всех районах граничащих с Чечней субъектов РФ, особенно в Республике Дагестан, которая является самой полиэтничной в составе Российской Федерации и где античеченские настроения характерны не только для русского населения.

3) Этот вид локальных конфликтов характерен для полиэтничных районов, в которых проживают граждане, обладающие специфическими различными юридическими статусами — репрессированные, депортированные, разделенные народы. Конфликты возникают по поводу справедливости (или несправедливости) получения определенных компенсаций и преференций от государства. Это районы Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестана, Калмыкии, некоторых других субъектов.

Принцип, разделяемый всеми практическими конфликтологами, заключается в том, что предупреждение или урегулирование того или иного социального конфликта невозможно без сбора эмпирического материала, анализа развертывания конфликтных ситуаций, оценки их типа, стадии, остроты, особенностей действия конфликтных механизмов и основных действующих в них сил и групп. По отношению к локальным конфликтам этот принцип тем более значим, что позволяет в режиме реального времени проверять исследовательские гипотезы и оценивать эффективность прогнозов.

Объектом нашего исследования являются конфликты, имевшие место в ряде сельских районов Ростовской области в 1989–2002 гг. и характеризующиеся разной степенью вовлеченности в них представителей местного населения и мигрантов.

Прежде всего, следует сказать, что полиэтничный состав области начал складываться с конца XVIII в., когда на Дону возникли колонии армян, переселившиеся на отведенные им земли Екатериной II из Крыма. Их потомки составляют основную массу армян (65,4 тыс.), компактно проживающих на территории области. В ряде восточных районов области в результате интенсивной трудовой миграции еще в 1970-е – 90-е гг. сложились компактные

группы чеченцев, аварцев, даргинцев, лезгин и других выходцев из северокавказских республик, занявших определенную нишу в этническом разделении труда и не вызывавших до 1990-х гг. особых проблем.

В 1990-е г. появился поток вынужденных мигрантов из республик Средней Азии (турки-месхетинцы, курды и др.), по отношению к которым общественное мнение настроено негативно. Иное отношение к вынужденным мигрантам из зон вооруженных и межэтнических конфликтов — русским, армянам и украинцам.

В последнее десятилетие в некоторых районах соотношение между постоянным (коренным) населением и мигрантами значительно изменилось. Так, в Мартыновском районе мигранты составляют 24,6 % (свыше 6,0 тыс. турок-месхетинцев), Дубовском — 12,1 % (чеченцы и дагестанцы), Заветинском — 11,0 % (чеченцы), Ремонтненском — 10,8 % (дагестанцы и чеченцы), Волгодонском — 10,9 % (турки-месхетинцы и азербайджанцы), Зимовниковском — 10,3 % (турки-месхетинцы, чеченцы) и Сальском — 4,6 % (около 3,0 тыс. турок-месхетинцев).

Начиная с 1990 г. в городах и районах области наблюдается неуклонная естественная убыль постоянного населения: снижение рождаемости и увеличение смертности. Тем не менее, численность населения области по текущим оценкам экспертов в межпереписной период возросла почти на 165 тыс. человек. Кроме того, область из трудонедостаточной в 1980-е гг. превратилась в настоящее время в трудоизбыточную. В значительной степени этому способствовал интенсивный миграционный приток, особенно усилившийся в 1990-е гг. после распада СССР и появления многочисленных открытых этнических конфликтов.

С 1992 по 2002 г. в область прибыло около 500 тысяч мигрантов. С 1995 г. статус беженца получили 867 человек, а статус вынужденного мигранта 44,5 тыс. человек.

По данным на конец 2002 г., в области проживают 15196 человек, имеющих статус вынужденного переселенца. 61,8 % расселены в городах, 38,2 % — в сельской местности. Более половины вынужденных переселенцев (58,9 %) — лица трудоспособного возраста, моложе трудоспособного — 25,6 %, старше — 15,5 %. В 2002 г. обозначилась тенденция сокращения числа пенсионеров и увеличения количества трудоспособных мигрантов.

Результатом миграционных процессов стало заметное изменение этнического состава населения области. В настоящее время здесь проживают представители более 100 национальностей. Этническая структура населения, по оценкам независимых экспертов, выглядит следующим образом: первое место занимают славянские народы (94 %), второе — армяне — около 2 %, далее следуют достаточно крупные диаспоры азербайджанцев, татар, чеченцев, турок-месхетинцев, грузин, даргинцев, аварцев, абхазцев, ингушей (см. Приложение, табл. 1, 2.).

В 2002 г. миграционный прирост населения области увеличился в 2,5 раза по сравнению с 2001 г. и составил более 2200 человек. Основные регионы выхода мигрантов — Украина, Казахстан, Армения и Узбекистан, откуда прибыли 72 % мигрантов. По этническому составу среди мигрантов преоб-

ладают русские (71,5 %), но в 2002 г. значительно увеличилась доля армян (в 4,4 раза) и чеченцев (в 1,6 раза).

Прежде всего, общественный резонанс получали конфликты с представителями кавказских народов, которые возникали в Мартыновском, Шолоховском, Дубовском, Песчанокопском, Орловском, Заветинском районах. Поэтому целесообразно провести эмпирическую реконструкцию ряда типичных локальных конфликтов, необходимую для последующих теоретических обобщений.

27–29 марта 2000 г. в с. Большая Мартыновка Ростовской области сложилась конфликтная ситуация между коренным населением и представителями чеченской и дагестанской диаспор, результатом которой стало проведение несанкционированного митинга, пикетирование администрации района, создание инициативной группы и сбор 2000 подписей с требованием провести референдум о выселении чеченского населения с территории района. В Заявлении инициативной группы, избранной митингом, содержались формулировка «совместное проживание невозможно» и ультимативное требование к главе администрации дать ответ до 16.00 3 апреля 2000 г.

30 марта под руководством заместителя начальника одного из подразделений УВД Ростовской области состоялось совещание, в котором приняли участие руководители подразделений общественной безопасности соседних Пролетарского (Сельского), Орловского, Зимовниковского, Волгодонского, Константиновского, Усть-Донецкого районов, а также руководители чеченских диаспор, проживающих на территории Пролетарского (Сельского), Зимовниковского, Орловского районов. В тот же день в здании районного клуба собрались около 500 местных жителей и руководители района, органов внутренних дел, представители чеченской диаспоры и казачества. Выступления носили эмоциональный характер.

Активное участие в проведении собрания принял атаман ВВД Н.И. Козицын, находящийся в непримиримой оппозиции к реестровому казачеству. Он начал свою речь с острой критики всех уровней власти в Российской Федерации и использовал популистские приемы возбуждения общественного мнения. В результате, несмотря на предлагаемые меры и выступления, «призывающие к мирному проживанию всех национальностей в районе», инициативная группа из числа участников собрания обратилась к главе района, начальнику РОВД и прокурору района с заявлением об оказании содействия по проведению районного референдума «о выселении лиц чеченско-дагестанской национальности, нарушающих законы и Конституцию РФ». Инициативная группа заявила, что в случае не оказания помощи в организации референдума она слагает с себя ответственность за последствия. Срок принятия решения установлен 3 апреля 2000 г.

В период 31 марта — 3 апреля продолжалось пикетирование Администрации района. В результате серии совещаний с участием представителей Администрации Ростовской области, областных прокуратуры и УВД, представительства Миннаца РФ, атаманского совета реестрового казачества, руководства областного чеченского общества «Вайнах» и инициативной группы по проведению референдума был подготовлен ответ, содержащий конк-

ретные предложения по нормализации ситуации, в частности:

— активизировать работу администрации с руководством диаспор, проживающих на территории района (создание этнического совета при Главе администрации, ежемесячные встречи руководителей различных служб района с представителями диаспор, совместное с казачьей дружиной патрулирование территории с целью охраны общественного порядка, регистрация местного отделения областного общества «Вайнах» и т. д.);

— ужесточить контроль со стороны правоохранительных органов за соблюдением режима регистрации граждан, прибывающих в район, со стороны прокуратуры обеспечить своевременное рассмотрение и прохождение дел, связанных с нарушением общественного порядка и способствующих формированию негативных этнических стереотипов;

— усилить борьбу с преступностью (рэкет, бытовые преступления);

— организовать работу с молодежью в многонациональных молодежных коллективах (школах) и по месту жительства;

— освещать межнациональные проблемы и опыт их решения в местных СМИ.

В телефонограмме (от 3.04.2000) реестрового атамана ВКО ВВД В.П. Водолацкого местной казачьей дружине предписывается участие в проверке паспортного режима, охране общественного порядка, активной работе с населением, направленной на недопущение общественных беспорядков и разжигание межнациональной розни.

Принято решение о формировании Программы преодоления кризисной ситуации с указанием конкретных сроков и ответственных за исполнение каждого из ее пунктов, особое внимание уделено повышению роли РОВД, РО ФСБ, прокуратуры и суда в профилактике межэтнических конфликтов. Предусматривалось утвердить состав инициативной группы и поручить ей контроль за ходом выполнения программы.

На состоявшемся 3 апреля в 16.00 собрании граждан глава администрации района сообщил о принятых решениях. Тем не менее, его выступление было прервано, активисты инициативной группы демонстративно покинули зал, а местный «козицынский» атаман Г. Попов призвал всех собравшихся последовать их примеру, поскольку проведение референдума Программой не предусмотрено. Вечером возобновилось пикетирование администрации, которое было прекращено силами ОВД.

Так конфликт был урегулирован, т. е. выведен из открытой стадии.

В апреле 2000 г. в районных СМИ — газетах «Тихий Дон», «Донской курьер», «Наше зеркало», «Крестьянин» были опубликованы комментарии к открытому письму руководителей коллективных хозяйств, главных агрономов, управляющих отделений, фермеров, казаков ряда хуторов Шолоховского района Ростовской области. Авторы этого письма обратились к главе администрации (губернатору) Ростовской области В.Ф. Чубу, главе администрации Шолоховского района Ю.Ф. Короткову, главам Кружилинской и Калининской сельских администраций Шолоховского района, атаману Вешенского юрта Ю.И. Карташову, генеральному директору Ростовского телевидения Н.И. Чеботареву «по наболевшему, выстраданному вопросу».

Фиксируя факт «расширения и укрепления диаспоры переселенцев, выходцев из Кавказских республик» и подчеркивая, что «ничего предосудительного в том нет», представители местного населения, вместе с тем, выражают озабоченность ослаблением общего контроля за использованием пахотных и пастбищных земель — тысяч гектаров угодий, которые используются переселенцами не по назначению.

Владельцы коллективных и личных хозяйств для защиты основных средств своего труда от потрав использовали различные способы — самостоятельную охрану территорий, обращения в местные органы правопорядка, судебные инстанции (предварительно определив ущерб от порчи посевов животными из личных хозяйств переселенцев).

Как указывается в письме, пастухи и сторожа отказываются от своих показаний, данных на предварительном следствии, а слушания дел в суде по разным причинам откладываются на многие месяцы, и «складывается впечатление, что их (переселенцев) все боятся...».

Авторы письма акцентировали внимание на том, что за отарами присматривают приезжие люди, не называющие мест своего жительства или ссылающиеся на прописку в соседней Волгоградской области. Местные жители обращаются к экологам. Пойма маловодной речки, подпитывающей хуторской пруд, загрязняется животными, принадлежащими переселенцам. Более того, возникает серьезная угроза здоровью детей, купающихся в этом водоеме.

Отправители письма опасаются, что сложившаяся ситуация может в любой момент выйти из-под контроля, поскольку предпринятые шаги по налаживанию диалога для урегулирования конфликта не получили должного понимания со стороны лидеров кавказской диаспоры, а, напротив, были восприняты агрессивно.

В заключение авторы коллективного обращения «к власти и Закону» подчеркивают: «мы не националисты, и рады приветствовать, жить в мире и согласии с людьми любой национальности. Но и прятать голову в песок, не замечая опасного, назревшего нарыва не вправе».

В ответе, данном администрацией Шолоховского района, говорилось, что поднятые в письме вопросы носят социально-экономический характер, «стычек по национальному вопросу нет». Глава администрации заверил, что в настоящее время все административные организации района: прокуратура, ФСБ, отдел внутренних дел, налоговая инспекция, главы сельских администраций, руководители сельхозпредприятий — проводят глубокий анализ всех фактов, указанных в открытом письме. Результаты анализа рассмотрены на заседании координационного совета административных органов района.

В данном случае конфликт не вышел из-под контроля. Тем не менее, мероприятия по недопущению роста межэтнической напряженности были инициированы областной администрацией.

Другой очаг межэтнического противостояния, в котором в качестве конфликтующих сторон выступили представители чеченской и дагестанской диаспор, проживающих в Дубовском районе области, возник 27 мая 2000 г. в результате убийства рэкетиром-чеченцем двух фермеров-даггинцев.

В тот же день в нескольких километрах от с. Дубовское, в лесопарковой зоне прошел несанкционированный митинг представителей дагестанской диаспоры. В нем приняли участие около 250 человек из Дубовского, Зимовниковского и др. районов Ростовской области и г. Волгодонска. Наряду с обсуждением произошедшего в Дубовском районе убийства, его причин и последствий, в выступлениях участников митинга звучали требования радикального характера. В частности, указывалось, что в случае, если не будут установлены и должным образом наказаны виновники преступления, дагестанцы «найдут желающих самостоятельно установить справедливость, и остановить их будет не возможно». Одновременно с этим участники митинга потребовали от работников милиции навести порядок в населенных пунктах и обвинили прокурора района в открытом попустительстве преступникам.

Для изучения состояния межэтнических отношений в Дубовский район выезжала группа, состоящая из представителей администрации Ростовской области, Представительства Миннаца РФ в регионе, ГУВД области, лидеров региональных общественных организаций «Культурный центр “Вайнах”» и «Донское землячество народов Дагестана».

Для организации работы на всех уровнях, имеющих отношение к конфликту и располагающих реальными возможностями по его ликвидации, были проведены встречи с руководством районной администрации, силовых структур и с жителями населенных пунктов. Итоги совещаний, анализ общего состояния правоохранительной деятельности в районе позволил сделать вывод о неудовлетворительной работе местных органов внутренних дел и прокуратуры. Эти выводы подтвердила и встреча с представителями региональной общественной организации «Объединение представителей народов Дагестана “Ватан” (Родина)» (г. Волгодонск), которые обвинили в возникновении конфликтной ситуации указанные структуры.

В расширенном заседании приняли участие глава района, прокурор, судья, начальник РОВД, представитель областного Управления ФСБ, первый помощник атамана Дубовского юрта, благочинный Восточного округа, главы сельских администраций, участковые инспекторы РОВД Дубовского района, председатель региональной общественной организации «Объединение представителей народов Дагестана “Ватан” (Родина)» (г. Волгодонск), представители дагестанских общин от сельских администраций Дубовского, а также Зимовниковского районов, г. Волгодонска, чеченских общин от всех сельских администраций Дубовского района, а также от Зимовниковского района и Волгоградской области. Выступавшие на совещании дагестанцы и чеченцы, в том числе и представители чеченцев г. Волгограда, подчеркивали, что хотели бы жить в мире со всеми, но жить «не опасаясь за свою жизнь и имущество, под защитой законов России».

По итогам обсуждения участники совещания выработали рекомендации, адресованные в т. ч. и представителям органов власти:

— главе администрации района, руководству РОВД, совместно с другими районными структурами власти и управления, общественными организациями разработать комплексный план нормализации обстановки в районе;

— просить главу администрации (губернатора) области рассмотреть

вопрос о выделении в штатных расписаниях многонациональных районов и городов области ставок специалистов по межнациональным отношениям, работе с национальными диаспорами, общественными организациями;

— руководству ГУВД РО и прокуратуре РО направить в Дубовский район комиссию для комплексной проверки РОВД и прокуратуры района и оценки работы их руководителей;

— обсудить вопросы стабилизации ситуации в Дубовском районе на совещании в администрации Ростовской области.

В этом случае в урегулировании конфликта особое значение имело привлечение руководителей областных этнических объединений конфликтующих сторон.

8 и 10 марта 2001 г. с. Богородицком Песчанокопского района произошел конфликт между коренными жителями и мигрантами-чеченцами. В Богородицком в этот период проживали менее 200 чеченцев, имевших временную прописку, большинство из которых не имело постоянной работы. Причиной конфликта послужила драка, произошедшая 8 марта на дискотеке между двумя казаками и группой чеченцев. Уже 10 марта собирался круг Песчанокопского юрта, на который приглашаются казаки из Сальска и Целинского района (около 80 человек). Затем казаки организовали рейд по домам чеченцев, виноватых, по их мнению, в тех или иных нарушениях. Следствием этого рейда стала массовая драка, в результате которой в больницу попали четверо казаков с травмами различной степени тяжести. Чеченцы за медицинской помощью не обращались. Через некоторое время сход граждан принял решение о выселении тех чеченских семей, которые не имеют постоянной прописки, а также чеченцев, принимавших участие в драке. Критерием оценки деятельности местной администрации стало требование об отставке главы местной администрации. Для урегулирования конфликта в район выезжала межведомственная группа, состоящая из сотрудников силовых структур, администрации Ростовской области, которой удалось вывести конфликт из открытой фазы.

1 мая 2001 г. в пос. Красноармейский Орловского района во время дискотеки между чеченцами, проживавшими за пределами поселка, и местным населением произошла драка, в результате которой были избиты и получили телесные повреждения различной степени 16 русских, 4 чеченца и аварец.

3 мая прошел сход граждан, в котором приняли участие около 600 человек. В выступлениях собравшихся звучали призывы к выселению всех чеченцев, проживающих на территории района. Данное предложение первоначально было принято почти всеми жителями Красноармейского — участниками схода.

Перед собравшимися выступили руководители администрации Орловского района, прокурор, начальник ОВД, представители ФСБ, ГУВД, Администрации Ростовской области. Жителям пос. Красноармейский были даны разъяснения о незаконности требований о выселении граждан по этническому признаку, сообщено о возбуждении уголовного дела.

4 мая состоялась встреча главы Орловской районной администрации, руководства областной администрации, глав сельских администраций, ОВД

и ГУВД с представителями чеченских семей, проживающих на территории Орловского района. На ней была обсуждена ситуация, сложившаяся после происшедших событий. Участники встречи сошлись во мнении, что виновные в хулиганских действиях должны понести наказание. Члены чеченской диаспоры заверили представителей власти в том, что подобные события не повторятся, а с жителями Чечни, прибывающими на постоянное или временное место жительства на территорию Орловского района, будет проводиться соответствующая профилактическая работа.

В этот же день, 4 мая, в Орловском районе состоялась встреча главы администрации Орловского района, представителей администрации области, ГУВД, Орловского ОВД с атаманами Сальского юрта во главе с заместителем главы администрации (губернатора) Ростовской области, атаманом ВКО «ВВД» В.П. Водолацким.

Встреча продемонстрировала разницу в подходах к решению проблемы среди лидеров казачьего движения. Часть атаманов внесла предложение использовать местное казачество для проведения «воспитательных мероприятий» в отношении чеченского населения. В данном случае позиция В.П. Водолацкого, настоявшего на том, чтобы казаки не принимали самостоятельных мер, удержала атаманов от дальнейшего разжигания конфликта.

По итогам проведенных 2–4 мая встреч главой администрации Орловского района было подписано Постановление, определившее порядок работы всех властных структур района, направленное на локализацию конфликта и недопущение подобных ситуаций в будущем.

В августе 2001 г. в селе Киселевка Заветинского района возник конфликт, который мог иметь далеко идущие последствия. 11 августа в компании нескольких молодых людей (среди которых были и русские, и чеченцы), во время распития спиртного возник конфликт на бытовой почве. Через некоторое время компания разошлась, чтобы подготовиться к выяснению отношений с использованием большего числа участников. В полночь на центральной площади села собрались 20 чеченцев и около сотни русских молодых людей. Проезжавшему мимо милицейскому патрульному экипажу ничего не оставалось, как встать между агрессивно настроенными группами до прихода дополнительных сил правопорядка. Далеко за полночь группы удалось развести, но было ясно, что конфликт на этом не исчерпан.

Численность населения села Киселевка составляет более полутора тысяч человек, десятая часть всех жителей — чеченцы. Стремясь не допустить дальнейшего разжигания конфликта, районные власти созвали сельчан на общий сход. На собрании было принято решение, согласно которому сельские улицы дополнительно будут патрулировать представители сельской народной дружины. Примечательно, что в ее состав вошли как русские, так и чеченские добровольцы. В данном случае своевременное и грамотное вмешательство администрации и органов внутренних дел позволило локализовать конфликт и перевести его в состояние сотрудничества.

Проведенная реконструкция локальных конфликтов показывает, что технологии их разрешения сводятся к нескольким типам:

1) комплекс мер, направленных на урегулирование и дальнейшее разрешение конфликта, инициируется представителями федеральных и областных органов власти, а затем реализуется местной администрацией (Мартыновский и Шолоховский р-ны);

2) урегулирование конфликта реализуется при активном участии этнических общественных объединений (диаспор) областного уровня в сотрудничестве с федеральными и областными органами власти (Песчанокопский р-н);

3) определяющую роль в урегулировании конфликта играет своевременное вмешательство силовых структур, дальнейшее разрешение конфликта предполагает совместную деятельность всех уровней власти (Песчанокопский р-н);

4) предотвращение силового варианта развития конфликта осуществлено муниципальными органами власти (Орловский, Заветинский р-ны).

Обобщение опыта урегулирования локальных межэтнических конфликтов совместными усилиями органов власти и общественных объединений на примере районов Ростовской области показало, что локальные этнополитические процессы лишь тогда становятся объектом пристального внимания местной власти, когда межэтнические отношения обостряются и конфликт вступает в стадию массовой конфронтации или открытого столкновения. Такой подход становится самостоятельным фактором роста уровня межэтнической напряженности. Господство принципа ситуационного управления реализуется через создание «пожарной команды» из экспертов и специалистов Администрации области, которая тушит внезапно возникший, но очередной пожар. С нашей точки зрения, подобный подход является показателем недостаточной эффективности системы государственного и муниципального управления.

Другой подход предполагает создание системы раннего предупреждения и предотвращения локальных конфликтов. Автор считает, что начальным шагом создания такой системы должен стать *банк информации*, включающий следующие разделы:

— статистическая информация о социально-экономической, демографической, миграционной и криминогенной ситуации в районах в динамике за последние 3 года;

— нормативно-правовые документы органов власти районов (администраций, ОВД, прокуратуры) по проблемам миграции и межэтнических отношений;

— документация этнических общественных объединений (уставы, планы работы, решения, заявления и т. п.);

— документация местных реестровых и нереестровых казачьих организаций (уставы, планы работы, решения, заявления и т. п.);

— материалы местных СМИ (районных газет, радио, наглядной агитации) по этнической тематике;

— результаты социологического мониторинга, посвященного межэтническим отношениям (соцопросы и фокус-группы);

— экспертные оценки динамики уровня напряженности на предконфликтной и постконфликтной стадиях.

В свою очередь, для организации такой работы требуется *анализ динамики конфликтов*.

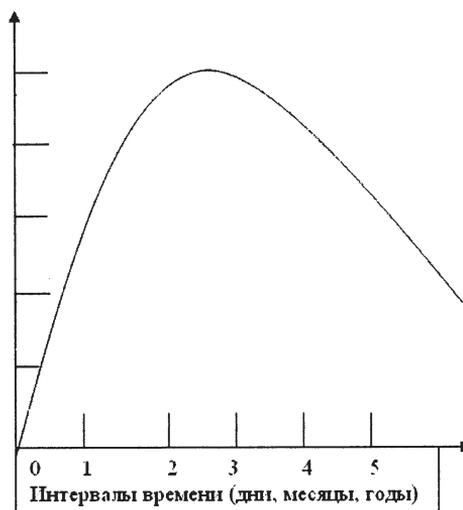
Участвуя на протяжении нескольких лет в разрешении локальных межэтнических конфликтов, авторы считают необходимым предложить свою методику оценки динамики локальных конфликтов.

В основе этой методики лежит понимание конфликта как процесса, проходящего ряд стадий, которые можно зафиксировать количественными (социологическими) и качественными (политологическими) методами исследования. Закономерность, выявленная авторами эмпирическим путем, заключается в том, что уровню социальной напряженности (конфликтности) (Иванов 2003; Государственная власть... 1998), определенному методом стандартного социологического опроса, соответствуют определенные качественные характеристики состояния общественного сознания и форм политической активности населения в конкретном полиэтничном районе.

Графическая иллюстрация наглядно объясняет суть предлагаемой методики (рис. 1). На одной оси нанесены точки, фиксирующие уровни напряженности, на другой — временные интервалы. При обработке результатов социологических опросов градация стадий конфликта производится по общепринятой в социологической литературе шкале:

- значение от 0 до 10 % характеризует фоновую напряженность;
- в интервале от 10 до 30 % имеет место низкий уровень конфликтности;
- от 30 до 70 % — средний уровень конфликтности;
- при увеличении степени неудовлетворенности социальной средой от 70 до 90 % конфликтность достигает высокого уровня;
- переходя через критическую точку 90 % конфликт переходит в открытую стадию.

Рис. 1. Динамика локального межэтнического конфликта



Социологический мониторинг может осуществляться с различной периодичностью (недели, месяцы, годы), которая определяется рядом факторов (финансовыми и организационными возможностями, степенью осознания местной администрацией необходимости проведения опросов и т. д.).

1) *Стадия фоновой напряженности* совершенно очевидно характеризуется отсутствием любых форм межэтнических конфликтов.

2) *Стадия бытового национализма*. Рост напряженности в интервале от 10 % до 30 % качественно характеризуется формированием негативных этнических стереотипов и установок, которые проявляют себя:

- в националистических надписях на стенах и заборах;
- психологической готовности населения, принадлежащего к одной этнической группе, воспринимать слухи и сплетни о действиях представителей других этнических групп;
- в общеупотребимости обидных этнических ярлыков и прозвищ;
- в росте бытовых стычек между представителями разных этнических групп, включая детей.

3) *Стадия политизации конфликта*. Напряженность (конфликтность) в интервале от 30 % до 70 % сопровождается появлением местных «идеологов», защищающих права старожильского (коренного) населения. Их деятельность направлена на формирование общественного объединения (неформальной группировки), как правило, выступающего с националистическими лозунгами и объясняющего, что причины всех проблем в засилье «чужих». Лидеры такого типа провоцируют конфликтные ситуации, которые потом находят отражение в местной прессе и, в свою очередь, способствуют укреплению негативных установок в межэтническом общении. Стадия завершается пропагандой лозунгов о невозможности совместного проживания, выдвиганием требований о выселении определенной группы населения и заявлениями о готовности возглавить этот процесс, если на это неспособна местная администрация.

4) Уровень напряженности от 70 % до 90 % характеризует *стадию протестных действий* (пикетирований, несанкционированных митингов, сходов населения, различных форм массовых беспорядков), которые направлены уже не только против определенной этнической группы, но и против администрации, не «исполняющей волю народа», не предпринимающей никаких действий по отношению к мигрантам. На этой стадии при поддержке толпы наряду с ультиматумами митингов о выселении мигрантов, выдвигаются требования отставки глав администраций, происходят самовольные захваты административных зданий. Иначе эту стадию можно назвать стадией криминализации конфликта, поскольку неконституционные требования зачастую финансово и организационно поддерживаются представителями местных криминальных структур, имеющих свои счета с властью.

5) *Стадия открытого конфликта*, т. е. силового противостояния, соответствует результатам социологического опроса, фиксирующего от 90 % до 100 % уровня конфликтности. Исходом открытого противостояния в ряде случаев оказывались человеческие жертвы. В любом случае это стадия кризиса власти, допустившего развитие конфликта до пиковой точки.

Как правило, после вмешательства органов власти более высокого уровня — региональных и/или федеральных — происходит снижение уровня конфликтности, что не означает разрешения конфликта, поскольку новый виток роста напряженности может начаться в любой момент, если органы местной власти не будут предпринимать адекватных ситуации мер.

6) После прохождения пиковой точки начинается *стадия постконфликтного урегулирования*, содержанием которой является вывод конфликта из фазы открытого противостояния, что сопровождается снижением уровня напряженности до 70 %. Если в фазе роста напряженности на этом уровне происходила криминализация конфликта, то для разрешения конфликта требуется его декриминализация, для чего органы власти должны грамотно сочетать использование силовых и административных методов.

7) *Фаза дальнейшего спада* уровня конфликтности до 30 % должна сопровождаться деполитизацией конфликта и соответствующей работой с населением, общественными объединениями, лидерами и средствами массовой информации.

8) Только после деполитизации конфликта и дальнейшего снижения уровня конфликтности можно говорить о *фазе разрешения конфликта*, которое невозможно без преодоления бытового национализма, разрушения негативных этнических стереотипов и целенаправленного формирования позитивных установок межэтнического общения.

Опыт конфликтологической практики показывает, что деполитизации и разрушения стереотипов на стадии декриминализации произойти не может, и усилия, потраченные на это, оказываются напрасными.

Декриминализация, деполитизация и разрушение негативных этнических стереотипов не происходят автоматически, они требуют целевых и систематических действий местных администраций, направленных на устранение истоков конфликтов, которые могут находиться в любой из сфер общественной жизни.

Описанные качественные характеристики различных стадий конфликта, по сути, являются *индикаторами динамики локального межэтнического конфликта*, которые позволяют анализировать, прогнозировать, предупреждать рост уровня конфликтности и, главное, использовать адекватные технологии управления конфликтом на разных его стадиях.

Так, в частности, в результате анализа с помощью предлагаемой авторами методики были сделаны следующие выводы.

Подобные описанным локальные конфликты возникают, как правило, на бытовой почве и достаточно быстро политизируются и приобретают характер межэтнического противостояния. В подавляющем большинстве случаев сторонами конфликта являются представители коренного населения и мигранты из республик Северного Кавказа и Закавказья.

Наиболее часто в качестве основной группы, против которой были направлены эти действия, выступали чеченцы. Дело в том, что при наличии различных причин, создающих проблемы в межэтническом общении старожильческого населения с представителями других национальностей, существуют проблемы, свойственные для взаимоотношений только между рус-

скими и чеченцами. Специфичность взаимоотношений местного населения с чеченцами обусловлена памятью о событиях двух чеченских войн (гибель родственников, утрата жилья, теракты, совершенные в Москве и на Северном Кавказе) и сформировавшимися на этой основе взаимными негативными этническими стереотипами.

Не следует закрывать глаза и на то, что определенная часть переселенцев из Чечни и мигрантов из регионов Северного Кавказа в качестве основной цели преследует быстрое получение прибыли с использованием видов деятельности, находящихся за пределами закона. Эта категория временных жителей не заинтересована в дальнейшем обустройстве на новых территориях и не намерена жить в соответствии с местными законами и культурными традициями. Именно эта часть чеченцев представляет социальную базу для правонарушений и формирования негативных этнических стереотипов.

Как свидетельствует статистика, преступления, совершенные мигрантами, не оказывают определяющего влияния на криминогенную обстановку в области, но необходимо отметить, что преступные посягательства с их стороны не могут не вызывать негативного общественного резонанса.

Жесткую позицию по отношению к мигрантам занимали казацкие организации, которые целенаправленно занимались демонстрацией силы, допускали выступления, направленные против представителей отдельных национальностей, реализовали антиконституционные действия под лозунгами «неправовой» защиты коренного населения. Используя низкую правовую культуру населения, казачество выступало организатором проведения сходов населения, на которых выдвигались требования выдворить лиц определенных национальностей из поселка, (района, города, области). Как правило, участники сходов практически были незнакомы с требованиями к их проведению, с кругом вопросов, подлежащих компетенции сходов, а также компетенции отдельных, назначаемых сходами для контроля за выполнением их решений, лиц.

Нарушение равноправия граждан по признаку национальности осуществлялось не только в форме прямых призывов к расправе с ними, но и путем морального давления при помощи формирования негативных этнических стереотипов. К последним относятся:

— утверждение принципа «коллективной ответственности» по отношению к нерусским народам;

— использование унижительных ярлыков и оскорбительных высказываний в адрес представителей нерусских национальностей;

— манипуляция общественным мнением при помощи известного приема «презумпции виновности».

Так, первыми публичными шагами нового атамана ВВД В.П. Водолацкого (1999 г.), затрагивающими сферу межэтнических отношений, стали Обращение Совета атаманов ВКО ВВД к Президенту и Председателю Правительства РФ, Обращение к населению Ростовской и Волгоградской областей, а также открытое письмо главе администрации Ростовской области В.Ф. Чубу, в которых была дана оценка ситуации и выдвинуты требования незамедлительного введения особого положения по регулированию миграционных процессов и принятия соответствующих законодательных актов.

В частности, в Открытом письме говорится, что «укрепляющиеся на территории области диаспоры чеченцев, аварцев, турок-месхетинцев, азербайджанцев, абхазцев, дагестанцев и других национальностей Кавказского региона, в том числе и некоренных армян, их наглое и вызывающее поведение в нашем доме при попустительстве местных властей и органов внутренних дел вызывают обоснованную тревогу у местных жителей и, в первую очередь, у казаков ВКО ВВД. При возникновении инцидентов с местными жителями лица этих диаспор цинично заявляют, что ими куплены все властные структуры и они чувствуют себя здесь полноправными хозяевами. Этим самым они провоцируют население на разжигание межнациональной розни. У казаков Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» складывается твердое убеждение, что миграционный процесс на территории Ростовской области не стихийное явление, а является целенаправленным и регулируемым» (Государственная власть... 1998: 174).

Быстрой политизации конфликтов способствуют негативные этнические стереотипы и установки. Факторами формирования таких установок местных жителей являются следующие.

В регионе с трудоизбыточным населением, сохраняющимися негативными этническими стереотипами, активизацией молодежных движений националистической направленности увеличение доли представителей неславянских народов порождает социальную напряженность, быстро приобретающую межнациональный характер. Особо нужно сказать о структуре занятости населения. В связи с сокращением объемов производства, развитием сферы услуг, занятость населения в целом по области имеет тенденцию к снижению, при этом темпы сокращения занятых в отраслях материальной сферы выше среднеобластных. Растет занятость населения в непроизводственных отраслях: торговле, финансово-посреднической, страховой, кредитной и банковской деятельности. Продолжается процесс сокращения занятых в государственном и колхозно-кооперативном секторах экономики, при одновременном росте смешанных форм частной собственности. В связи с сокращением спроса на рабочую силу увеличивается число занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве.

Проблема заключается в том, что сокращается занятость и уровень доходов постоянного (старожильческого) населения, традиционно занятого в материальном и государственном сельскохозяйственном производстве, на фоне достаточной экономической успешности мигрантов, занимающих торгово-коммерческие ниши. Именно этот факт и психологический механизм социального сравнения являются основой межэтнической напряженности на бытовом уровне.

Наиболее конфликтными стали восточные и северо-восточные районы сельские районы области (Боковский, Дубовский, Заветинский, Зимовниковский, Морозовский, Обливский, Орловский, Ремонтненский, Советский и другие районы), которые являются традиционно проблемными в вопросах занятости и куда в основном и направляются мигранты из республик Северного Кавказа.

Этнокультурная дистанция между христианским и мусульманским населением, различие в образе жизни, культуре, обычаях и проблемы адаптации

на новых территориях нередко формируют комплекс проблем, существенно осложняющих взаимоотношения местного населения и мигрантов-неславян, прибывших из очагов вооруженных конфликтов. Принципиальными остаются конфликты, вызванные нежеланием этнических мигрантов, временно размещенных в районах области, уважительно относиться к культурным традициям местного населения. Этническая преступность, присутствие которой фиксируется в различных регионах страны и в Ростовской области, в частности, существенно осложняет интеграцию мигрантов в местное общество. Так, в районах Ростовской области условно можно выделить три категории, на которые делят мигрантов:

- а) проживающие в данном регионе 20 и более лет, занятые в общественном производстве и заслужившие авторитет односельчан;
- б) этнические мигранты, участники криминальных группировок;
- в) чеченцы, не зарегистрированные на территории районов, но активно обозначающие свое присутствие (вызывающее поведение в общественных местах и т. п.).

Именно две последние группы представляет социальную базу для правонарушений и формирования негативных этнических стереотипов, провоцируют возмущения общественности.

Несвоевременное вмешательство региональных органов власти нередко способствовало росту антимигрантских настроений в регионе в целом, следствием чего становились конкретные протестные действия: проведение несанкционированных митингов, пикетирование зданий местных администраций, создание инициативных групп и выдвижение требований о выселении некоренного населения с конфликтной территории, другие формы массовых беспорядков (Хоперская 2001: 173).

Во многих случаях срочное вмешательство работников областного и федерального уровней, руководителей областных общественных национально-культурных организаций привело к снижению напряженности в районах, позволило найти реальные пути выхода из кризиса.

В то же время ни местные (поселковые) администрации, ни представители этнических сообществ не стали инициаторами диалога с целью предотвращения конфликтов. Представители администрации области исправляли ошибки местных властей, заставляли серьезно заниматься сложившейся напряженной ситуацией и инициировали создание рабочих групп по выработке конкретных мер для урегулирования конфликтов.

Тем не менее, следует особо отметить, что острота отмечавшихся в 1989–2002 гг. локальных конфликтов в районах компактного расселения вынужденных переселенцев к 2003 г. заметно снизилась. Это в значительной мере является результатом формирования новой складывающейся системы управления этнополитическими и миграционными процессами в Ростовской области.

На практике столкнувшись с реальными конфликтами, администрации ряда районов Ростовской области пришли к выводу о необходимости создания координационных советов по межнациональной политике, народных дружин с привлечением в них представителей различных этнических групп. Такие советы действуют, в частности, в Мартыновском, Заветинс-

ком, Песчанокопском и ряде других районов Ростовской области. В качестве примера приведем извлечения из Положения о Координационном Совете по межнациональной политике при Администрации Мартыновского района Ростовской области.

Основными задачами Совета являются:

- стабилизация межнациональных отношений в Мартыновском районе;
- реализация государственной межнациональной политики в Мартыновском районе;
- при взаимодействии с государственными органами, органами местного самоуправления, лидерами диаспор, общественными национально-культурными организациями, отделом образования, правоохранительными органами, реализация приоритетных направлений государственной межнациональной политики;
- утверждение практики решения всех вопросов хозяйственного, социального, культурного развития с учетом национального состава населения — совместно с органами местного самоуправления и с участием представителей землячеств;
- сотрудничество со старейшинами, авторитетными представителями национальных диаспор, представителями казачества, общественными национально-культурными организациями;
- проведение рабочих встреч с приглашением руководителей и старейшин местных диаспор для разрешения конфликтных ситуаций;
- проведение разъяснительной и информационной работы по применению нормативно-правовых актов;
- организация мероприятий, демонстрирующих культуру и искусство народов, проживающих на территории района.

К основным функциям Совета отнесены:

1. Координация деятельности органов местного самоуправления, а также организаций в сфере национальной политики Мартыновского района.
2. Разработка и реализация долгосрочных, районных программ государственной национальной политики, предложений и мер по основным направлениям национальной политики Мартыновского района.
3. Контроль в рамках своих полномочий, исполнение нормативных актов РФ, РО, Мартыновского района по национальной политике.
4. Участие в пределах компетенции в профилактической работе по предупреждению межнациональных конфликтов.
5. Взаимодействие в установленном порядке с лидерами диаспор, общественными национально-культурными организациями и представителями казачества.
6. Подготовка информационно-методических материалов по национальным проблемам.
7. Рассмотрение обращений и предложений граждан по вопросам, находящимся в компетенции Совета.

Сегодня уровень местного сообщества (сельского района, поселка, станицы) становится базовым при разрешении и предупреждении кон-

фликтов постоянного населения с этническими мигрантами. Поэтому способность местных органов власти разрешать конфликты различных типов, использовать технологии предупреждения и разрешения конфликтов на ранних стадиях их возникновения является одним из критериев эффективности государственного и муниципального управления и может рассматриваться как способ обеспечения социально-политической стабильности и безопасности в регионе.

Литература

Гостев А. Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов (очерки по конфликтологии). М., 1993.

Государственная власть и местное самоуправление: эффективность и ответственность (на примере Северо-Кавказского региона). Ростов-на-Дону, 1998.

Дробижева Л. Этнические конфликты // Полис. 1994. № 2.

Зорин В. Российская Федерация: проблемы формирования культуры межнационального общения // Формирование культуры межнационального общения на Дону: Опыт и проблемы. Ростов-на-Дону, 2002.

Иванов В. Межнациональная напряженность в региональном аспекте // Социологические исследования. 1993. № 7.

Казанцев В. Южный федеральный округ и его Северо-Кавказский субрегион как предмет социально-политической теории и практики // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 1.

Лебедева М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999.

Мацнев А. Этнополитические конфликты: пути предупреждения и регулирования // Основы национальных и федеративных отношений. М.: Изд-во РАГС, 2001.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 2003.

Савва М., Блинова Н.. Затяжная болезнь кубанских конфликтов // Люди года. 2003. № 6 (10).

Степанов Е. Социальные и межнациональные конфликты: проблемы экспертного мониторинга. Национальная электронная библиотека, 1998.

Тишков В. Конфликт этнический // Народы и религии мира. М.: Большая российская энциклопедия, 2000.

Формирование культуры межнационального общения на Дону: Опыт и проблемы. Ростов-на-Дону, 2002.

Хоперская Л.Л. Управление этническими сообществами в Ростовской области // Местное управление многоэтническими сообществами в странах СНГ / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2001.